

Козлов «на хозяйстве» (Продолжение)

После дела Рокотова – Файбишенко наступило короткое затишье, Козлов ушел в отпуск, потом готовился к докладу на XXII съезде партии, затем в октябре 1961 года – сам съезд.

После съезда, 11 ноября 1961 года, отец вновь отправляется в поездку по стране, инспектирует уборку урожая.

Указы, постановление, уложения, устанавливающие наказания за различные преступления, регламентирующие все стороны жизни, снова сыплются как из рога изобилия.

29 ноября 1961 года новый закон устанавливает «уголовную ответственность за небрежное использование и хранение сельскохозяйственной техники». Последовавших за ним законов, указов и распоряжений такое множество, что я ограничусь простым перечислением: «Об организации продажи леса из колхозных лесов», «О нормах содержания скота рабочими государственных сельскохозяйственных предприятий, а также гражданами, проживающими на территории этих предприятий», «О нормах приусадебных и огородных земельных участков работников государственных сельскохозяйственных предприятий и других граждан, проживающих на территории этих предприятий», «О запрещении содержания лошадей и волов в личной собственности граждан», «О мерах улучшения комиссионной торговли в РСФСР», «О мерах улучшения комиссионной и колхозной торговли сельскохозяйственными продуктами», «Об упорядочивании продажи продуктов сельского хозяйства, строительных и кровельных материалов частным лицам», «О мерах усиления борьбы с хищениями социалистической собственности и злоупотреблениями в торговле», «О единовременном учете трудоспособного населения, уклоняющегося от общественного труда и живущего за счет нетрудовых доходов». И это только за остаток 1961 года. В 1962 году следуют новые указы. 2 февраля, «Об усилении ответственности за посягательство на жизнь и здоровье работников милиции и народных дружинников». 20 февраля – «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество», 4 апреля – «О применении мер воздействия за злостное неповиновение законному распоряжению или требованию работников милиции или народных дружинников». И это далеко не всё, я просто устал перечислять указы, олицетворявшие реформирование по Козлову. Последний из той серии указов «Об усилении уголовной ответственности за самовольную, без надобности, остановку поезда» от 21 октября 1963 года. Он вышел уже «после Козлова», но наполнен его «духом».

Поток запретительных указов возник с приближением Козлова к вершинам власти в мае 1960 года и начал иссякать после 11 апреля 1963 года, когда тяжелейший инсульт лишил его трудоспособности. Так Козлов понимал свое служение отечеству.

День за днем

В январе 1961 года газеты, радио, телевидение раструбили новость – «Депо Москва-Сортировочная» решило стать предприятием Коммунистического труда. Что это такое, я сейчас не очень помню. Да вряд ли и тогда этот термин имел четкое определение. Иначе следовало бы столь же четко определить, что же такое коммунизм. Все, кто писал и кто читал, знали о коммунизме одно: он – наше светлое будущее.

Тем не менее, все понимали или делали вид, что понимают: на предприятии коммунистического труда работают лучше, чем на некоммунистическом, и без погонялки. К тому же не пьют, не хулиганят, в чем-то участвуют, что-то посещают... На них все должны равняться. Все и равнялись, вступали в соревнование за звание бригад Коммунистического труда. Когда кто-то где-то решал, что цель достигнута, победителям выдавали знамя с соответствующей, удостоверяющей «достижение» надписью, а особо отличившимся – значки, тоже удостоверяющие, что они отличники Коммунистического труда. Дальше требовалось бороться за сохранение почетного звания, иначе позора не оберешься.

Если отбросить сарказм, то действительно на таком предприятии люди работали дружнее, в цехах поддерживали чистоту, помогали друг другу. Всегда, во все времена, в любом обществе необходима какая-то цель, к которой следует стремиться. Так уж устроен человек.

22 января 1961 года в подмосковных Кузьминках собрали первый жилой дом не из панелей, а из объемных элементов. Другими словами, теперь вместо установки одной за другой стен-панелей привозили с завода и водружали на место готовую комнату, только без потолка. На стройплощадке комнаты-кубики ставили в рядок, потом над ними – еще рядок. В результате вырастал дом.

Кто все это изобрел, я сейчас не помню, но в своей области объемная сборка – великое достижение. Качество строительства повышалось, не нужно было заделывать щели между панелями, и одновременно сокращались сроки строительства, а значит, и домов, получали больше и больше людей вселялось в новые квартиры.

23 января – отец посетил выставку новых текстильных товаров.

24 января 1961 года газеты рассказали о советском ученом Юрии Кнорозове, ему впервые в истории удалось прочитать тексты майя. Причем он дошел до всего своим умом, в отличие от француза Жан Франсуа Шампольона, расшифровавшего египетские письмена по подсказке «Розетского камня», имевшего идентичные записи на двух языках, древнеегипетском и греческом.

30 января 1961 года «Известия» оповестили о феноменальном, более чем двухметровом прыжке в высоту Валерия Брумеля. Меня он просто потряс. На занятиях физкультуры в Энергетическом институте мы тоже прыгали в высоту, и я никак не мог перепрыгнуть планку в полтора метра, а тут прыжок почти до потолка комнаты в пятиэтажке. Уже после отставки отца мы с Брумелем познакомились, он жил в одном доме с моим приятелем Юрой Дятловым, парторгом челомеевской фирмы. Человеком он оказался симпатичным и простым.

2 февраля 1961 года завершилась прокладка газопровода Горький – Иваново – Ярославль. Вовсю развернулась газификация Подмосковья. Раньше газ был столичной привилегией. Что он значит для людей, легко почувствовать, отключив газ в квартире хотя бы на неделю.

21 февраля 1961 года дата рождения АПН – Агентства печати «Новости», формально не зависевшего от государства. Его на паях учредили Союз журналистов, Общество культурных связей с зарубежными странами и просветительское общество «Знание». До того новости монопольно контролировал ТАСС – Телеграфное Агентство Советского Союза, которое

время от времени сообщало, что оно «уполномочено заявить» что-то такое, что правительство от своего имени заявлять не хотело, а также снабжало все без исключения газеты единообразной информацией о жизни внутри страны и за рубежом, оперативно, день в день, поставляло отцу и другим руководителям переводы публикаций из иностранных газет.

Теперь ТАСС создали альтернативу, пусть АПН «по-человечески» рассказывает о жизни людей у нас и у них, да и конкуренция не повредит. Заведовать АПН назначили редактора печатного органа ВЦСПС «Труд» Бориса Сергеевича Буркова, неплохого журналиста и честного человека.

По окончании МГУ в АПН пойдет работать Юля, дочь моего брата Леонида, погибшего в войну. Позднее к Буркову устроят и непутевую Галю Брежневу.

23 февраля 1961 года выходит Постановление правительства «Об электрификации сельского хозяйства в 1961–1965 годах», обязывающее к 1965 году провести электричество во все, даже самые отдаленные села и поселки.

10 марта 1961 года в «Известиях» появилась статья «Вы не из нашего совнархоза». Зараза местничества становилась все зримее, каждый совнархоз тащил в свою норку все, что мог, от кооперации с соседями отбивался из всех сил. Получали все с удовольствием, а отдавали – со скрипом. Следовало пока не поздно что-то предпринимать. Совнархозы работали неплохо, планы выполняли, но в будущем, чтобы не упустить, их придется реформировать. Вот только как? Усилить контроль сверху или высвободить инициативу снизу, передать директорам предприятий большую свободу? Последнее время в Москве все упорнее судачили о югославском опыте, об их рабочих советах на предприятиях, «самостоятельно» вершивших, и весьма успешно, свои дела. О югославах отцу прожужжали уши. За внедрение их метода управления народным хозяйством у нас ратовали молодые экономисты-реформаторы. Мне тоже рабочие советы казались очень привлекательными. При каждом удобном случае я заговаривал о них с отцом. Он слушал, но действовать не спешил. В отличие от меня, сущность этих «советов» ему оставалась неясной. Он попытался поподробнее расспросить посла Югославии Велько Мичуновича, у них за последние годы установились почти дружеские отношения, но тоже ясности не добился. Отец решил пощупать «советы» своими руками, поглядеть своими глазами, для чего специально съездить в Югославию. Но не сейчас. Пока время терпит.

А на отца давили и с противоположной стороны. Давили весьма энергично и аргументированно. Бывшие министры беспокоились, что совнархозы-де совсем забросили новые разработки, их не волнуют ни завтрашний день, ни интересы страны. Выход один – более жесткий контроль над регионами, они должны почувствовать руку центра. Министры не требовали немедленного восстановления своих министерств, понимали, что для отца это неприемлемо, и в качестве первого шага предлагали совнархозы укрупнить, слить воедино, выстроить по ранжиру. Так будет легче за ними приглядывать из Москвы. И Козлов, и Косыгин, и председатель Госплана Владимир Новиков, и глава Военно-промышленной комиссии Дмитрий Устинов, во всем остальном люди весьма различные, в этом вопросе держались сообща. 28 мая

«Экономическая газета» озвучила замысел сторонников восстановления жесткой вертикали управления, стремившихся набросить узду на своевольничающие совнархозы, предложила из более сотни существующих оставить семнадцать.

Отец внимательно прочитал статью, на мои расспросы (тогда местничество совнархозов было у всех на устах) ответил, что все не так просто, нужно обдумать. И повторил: «Пока время терпит».

В 1961 году все отчетливее оформляются два подхода к дальнейшему преобразованию экономики: традиционалисты, сторонники централизации и новаторы, которые видят выход в децентрализации. Отец склонялся к последним, но пока держал нейтралитет.

13 марта 1961 года в 9.30 утра случилось несчастье. В Киеве, в Бабьем Яру, в месте расстрела немцами во время войны более ста тысяч киевлян, прорвало дамбу.

Бабий Яр – овраг, спускающийся с киевских холмов к Днепровской пойме, городские власти решили выровнять, одни говорят, чтобы построить монумент и увековечить память погибших, другие – чтобы поскорее забыть о трагедии. Возвели земляную подпорную стенку, стали намыывать грунт, а тут зарядили дожди. Не выдержав напора более трех миллионов тонн жидкой грязи, дамба рухнула, и вязкая жижа разлилась по Подолу, низинному району Киева, затопила дома, погибло 145 человек, в больницы попало 143 раненых.

В те времена о трагедиях, в том числе стихийных бедствиях, не сообщали. До понимания, что лучше сказать, чем умолчать, и обществу, и отцу еще предстояло дорасти. Промолчали и на этот раз. Однако слухи распространяются и без содействия ТАСС или АПН. Через неделю о произошедшем говорила вся Москва. Кто-то возмущался, подозревая в умолчании скрытый антисемитизм, кто-то ничего не подозревал, но тоже возмущался.

Надо же такому совпадению случиться, что ко времени второй трагедии Бабьего Яра Евгений Евтушенко закончил поэму «Бабий Яр» о первой трагедии, расстреле киевлян во время войны. В совпадении бдительные идеологи углядели идеологическую провокацию, на то им и дана бдительность. Зашевелились и подпольные антисемиты, их в России во все времена хоть отбавляй. Хотя немцы расстреливали в Бабьем Яру не только евреев, но в большинстве евреев, говорить об этом почему-то считалось зазорным. Так или иначе, но как только 19 сентября 1961 года «Литературная газета» опубликовала поэму «Бабий Яр», вокруг нее разразился скандал. Одни поносили Евтушенко, другие превозносили. Среди поносителей оказались и официальные идеологи из ЦК, так что в глазах людей Евтушенко стал героем, страдальцем за правду. Слава его вознеслась до небес. История эта интересна, но я в нее углубляться не стану. Желающих отошлю к книгам самого Евтушенко, он пишет обо всем подробно и со вкусом.

20 марта 1961 года произошло «судьбоносное» событие – отменили цензуру. Не вообще цензуру, а на сообщения иностранных корреспондентов в свои агентства и газеты. В сталинские времена ввели такую практику: цензор на Центральном телеграфе перед отсылкой корреспонденции ее внимательно прочитывал, вычеркивал «запрещенное» красным карандашом и ставил свой личный штамп. Ничего, кроме неудобств для корреспондентов

и испорченной репутации для нашей страны из этого не получалось. Корреспонденты переправляли статьи безо всякой цензуры диппочтой или уезжали через Ленинград в Хельсинки и отправляли сообщения оттуда. Правда, в случае «особо злостной клеветы» их могли не впустить обратно, но после смерти Сталина такое происходило все реже. И тем не менее цензуру сохраняли. На одном из приемов кто-то из иностранных журналистов нажаловался отцу. Тот приказал: «Отменить». Отменили. На первых порах корреспонденты не верили своему счастью, однако вскоре привыкли. К хорошему быстро привыкаешь. Отец же при случае «подкалывал» идеологов: «Отменили цензуру, и ничего не произошло, страна не рухнула». Идеологи мрачно отмалчивались, с отцом они не соглашались, но и противиться ему не осмеливались.

30 марта 1961 года Русская Православная церковь вступила во Всемирный совет церквей. Шаг немаловажный, при Сталине и после него церковь жила в полной изоляции. Теперь внешние связи стали постепенно налаживаться.

В отличие от католицизма, православие никогда не стояло над государством. Если патриархи проявляли строптивость, цари их ссылали в монастырь, а царь Петр I вообще упразднил патриаршество, сделал главу церкви одним из своих министров. С тех времен российские государи своей властью назначали, своей властью низвергали церковных иерархов.

Возродилась Российская патриархия только после Октябрьской революции, когда церковь отделили от государства, возродилась – и была низвергнута в пучину. Всякая революция отвергает религию, служившую бывшей власти. Так поступили французы в конце XVIII века, заменив католического Бога своим, революционным божеством, неким Высшим Разумом. Так поступили и большевики. Церковное имущество конфисковали, в разоренных церквях устроили где клуб где кинотеатр, а где и просто склад. Бога постепенно замещали Карлом Марксом, а потом и Лениным. Новая религия приживалась туго. Хотя в «красных углах» и заменяли иконы на портреты вождей, люди продолжали молиться привычному, прежнему Богу. Вот только молиться стало негде, да и священников почти не осталось. Их, оставшихся без церквей, но не без паствы, Сталин в тридцатые годы прошлого века отправил в лагеря. Во время войны он, испугавшись немецкого нашествия, отыграл назад, призвал к единению народа перед лицом врага, вернул оставшихся в живых священников, разрешил им в сохранившихся церквях молить Бога даровать победу российскому оружию, а ему, Сталину, многая лета.

Отец, как и мама, всю жизнь исповедовали атеизм, в Бога не верили. Правда, это не мешало отцу то и дело в выступлениях и просто в разговорах поминать Бога, не забывая, что грамоте в церковно-приходской школе-двухлетке его обучил их деревенский батюшка. Как, впрочем, не мешало достаточно самонадеянно утверждать, что он еще успеет пожать руку, попрощаться с последним попом на нашей советской земле. Не успел, не попрощался.

Заявление отца о «последнем рукопожатии» породило новую волну гонений на церковь. Священников в лагеря не ссылали, но церкви, где только можно, под благовидными предлогами закрывали, в основном по причине «отсутствия паствы». Отец новоявленных «воинствующих атеистов» не

подталкивал, я никогда не слышал таких его высказываний, но не сдерживал их. Он считал, что религия умирает самопроизвольно, а они всего лишь ее могильщики. Тем не менее, первое лицо – за все в ответе. За те закрытые в его время храмы, верующие по сей день поминают отца ох каким недобрым словом.

5 апреля 1961 года отец в Останкино, на ВДНХ осматривает проекты будущих мощных тепловых электростанций, их собираются строить на сибирских угольных разрезах, в первую очередь в Экибастузе.

Затем он едет в Музей архитектуры, там выставлен макет будущей, но так и не открывшейся Московской Всемирной выставки 1961 года. Из Музея архитектуры он отправляется в мастерскую скульптора Льва Ефимовича Кербеля взглянуть на модель памятника Карлу Марксу. Его предполагают установить этой осенью на Театральной площади напротив Большого театра.

19 мая 1961 года отец в Сокольниках открывает и осматривает Торгово-промышленную выставку Великобритании.

20 мая 1961 года иностранные журналисты растребуили на весь свет, что Хрущев более не считает тяжелую индустрию приоритетом, требует уделять больше внимания потребительским товарам. Тогда соотношению тяжелой и легкой промышленности придавалось политическое значение и слова отца воспринимались как весьма смелый шаг в сторону либерализма. О приоритете тяжелой индустрии, «священной корове» сталинской версии марксизма, я упоминал на страницах этой книги не раз. Спор, на мой взгляд, схоластический, одно без другого существовать не может, а пропорции и приоритеты выбираются по обстоятельствам.

1 июля 1961 года Сергей Бондарчук приступил к экранизации «Войны и мира» Льва Толстого, фильму, сделавшему его великим.

2 июля 1961 года отец в Большом театре на премьере Королевского балета Великобритании.

4 июля 1961 года отец, в сопровождении других высших руководителей страны, пришел в резиденцию американского посла в Спасо-Наливковском переулке на прием по случаю Дня независимости США. Эти посещения стали регулярными и уже никого не удивляли. Все отметили другое: на приеме отец не пригубил даже шампанского, ссылаясь на здоровье. Так он отреагировал на спекуляции в западной прессе о его злоупотреблении алкоголем. Отец не пил, я уже писал об этом, а теперь решил в присутствии чужих не пить демонстративно.

6 июля 1961 года «Известия» начинают дискуссию: какие дома нам нужны? Из-за все дорожающей инфраструктуры предлагалось переориентировать строительство с пятиэтажек на многоэтажные дома. Однако очевидное решение оказалось совсем не очевидным. Ресурсов не хватало, особенно стальных конструкций, план ввода жилья выполнялся с огромным напряжением. Увеличение этажности вело к увеличению потребления металла, а планы металлургов были давно сверстаны и взять дополнительный металл неоткуда. А значит, начав тянуться в высь, потеряешь в квадратных метрах, недосчитаешься тысяч квартир, тысячи потенциальных новоселов останутся с носом. Соответствующую справку направил Хрущеву Отдел строительства ЦК, и отец созвал у себя экономистов. После обстоятельного разговора с ними он, уже совсем было собравшись объявить на 3-м Всесоюзном съезде архитекторов об окончании

эры пятиэтажек, от выступления отказался. Вместо этого включил вопрос экономики строительства жилья в повестку дня заседания Президиума ЦК 17 июня 1961 года.

Мнения разделились. Начальник Госстроя Кучеренко соглашался, что увеличение этажности, необходимость использования лифтов поднимет стоимость строительства, но незначительно, процентов на восемь. По его мнению, при сохранении приоритета строительства пятиэтажек мы потеряем много больше на коммуникациях и инфраструктуре.

– Один новый километр метрополитена стоит более миллиарда рублей, – поддержала его Фурцева, – и, если учесть транспортные потери, то для москвичей увеличение высотности оправдано.

– Москвичи требуют увеличения высотности, а за исключением крупных городов повсеместно продолжают строить двухэтажные дома. Это просто преступно, растраниживаются огромные ресурсы, – вступил в разговор отец. – Если поднять этажность строительства по всей стране, то снизится стоимость квадратного метра и вырастет объем сдаваемого в эксплуатацию жилья.

– В пятиэтажках квадратный метр обходится на 49 процентов дешевле по сравнению с двухэтажными домами, – дал справку Кучеренко.

Еще один источник экономии нашли в индивидуальном строительстве. Против него, естественно, никто не возражал, но только если застройщик строит за свои.

– А вот если кредитует государство, то разумнее эти ресурсы, не распыляя, вкладывать в кооперативные многоэтажки, – высказался отец.

В результате так ни к какому решению не пришли, договорились послушать еще раз москвичей, ленинградцев, киевлян, может быть потом собрать общесоюзное совещание по городскому строительству.

– Надо все хорошенько проанализировать, – подвел итог обсуждению отец. – Мы хотим строить больше жилья. Главное – выискивать к тому любые возможности, но только создающие хорошие условия для жильцов, а не ухудшающие их.

Аджубей, естественно, знал о разговоре на Президиуме ЦК и решил включиться в обсуждение, где и какие дома строить, развернул на страницах «Известий» дискуссию, попросил высказаться читателей.

3 августа отец встречается с энергетиками, речь идет о развитии отрасли в ближайшей и более отдаленной перспективе, с ежегодным вводом не менее 10 миллионов киловатт в год. В процессе подготовки постановления выяснилось, что «наметки Госплана не обеспечивают требуемого объема ввода мощностей. Н. С. Хрущев внимательно выслушал сообщение, рассмотрел представленное ему письмо о разногласиях и обязал Госплан СССР принять предложения министерства и закончить подготовку постановления до конца августа».

8 августа 1961 года Лысенко возвращает себе титул Президента Всесоюзной Сельскохозяйственной академии.

10 августа 1961 года отец осматривает почти совсем готовое здание Дворца съездов в Кремле. В нем в середине октября предстоит открыться съезду партии. Отец доволен. Здание своей легкостью и белизной контрастирует с краснокирпичностью стен Кремля, но одновременно и не отторгается. Дворец съездов как бы дополняет Большой Кремлевский

дворец и функционально, и архитектурно становится символом постоянного обновления Кремля.

18 августа 1961 года отменили сталинский закон об обязательной регистрации гражданами в милиции радиоприемников. Одновременно отменили и плату за пользование ими.

23 августа 1961 года во всех средствах массовой информации тиражируется Постановление ЦК «О неправильной практике изготовления памятных подарков к XXII съезду КПСС». Так повелось еще с 1930-х годов, а возможно и раньше. Тысячи заводов, шахт, фабрик, колхозов рапортовали очередному съезду партии о своих успехах и подтверждали их отсылаемыми в Москву многочисленными моделями машин, кораблей, доменных печей и всего прочего, изготовленными, естественно, за государственный счет и в рабочее время. Отец попытался пресечь эту вакханалию дарения. Постановление предписывало: «вместо ненужной растраты ресурсов на подарки выполнять планы производства, это и есть – лучший подарок съезду».

9 сентября 1961 года газеты опубликовали сообщение о создании Института советско-американских отношений, предтечи будущего Института США и Канады.

10 сентября 1961 года отец, несмотря на приближающийся съезд партии, где ему предстояло делать доклад, едет на Волгу на пуск Сталинградской ГЭС. Уж очень ему хотелось своими глазами посмотреть на еще одно «чудо, сотворенное руками человеческими».

Весной и летом 1961 года происходило еще много других очень важных и примечательных событий, которые остаются за рамками моей книги. Это и запуск человека, Юрия Гагарина, на космическую орбиту, и вторжение американцев на Кубу в Заливе Свиней и их позорное поражение, и встреча отца с новым Президентом США Джоном Кеннеди в Вене, и Берлинская стена. Все эти важнейшие события – обширная тема, и я ей посвятил отдельную книгу «Рождение сверхдержавы. Книга об отце». Там я подробно пишу о ракетах, о космосе, об ядерных испытаниях, об отце с Кеннеди.